

Геннадий Муриков

**РЕАКЦИОНЕР
ИЛИ БОГОИСКАТЕЛЬ?**

*Вспоминая Николая Семёновича
Лескова*

Творчество Н.С. Лескова (1831–1895) всегда выглядело спорным. Его личность среди почётного ряда русских классиков неизменно вызывала определённые сомнения. Если бы не блистательные оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») и Родиона Щедрина по рассказу Н.С. Лескова «Левша», поставленные В. Гергиевым и не сходящие со сцены Мариинского театра до сих пор, то имя Лескова, вероятно, было бы уже забыто, тем более что другие рассказы Лескова — наиболее лесковские, то есть витеватые, вычурные по стилю и символические по содержанию — «Очарованный странник», «Тупейный художник», «Железная воля» и др. — стали более или менее популярными после 1920-х годов, когда эта манера письма, — её в теперешнем литературоведении принято называть «сказом», — вошла в моду (Л. Леонов, И. Бабель, Б. Пильняк и др.), а сейчас полузабыта.

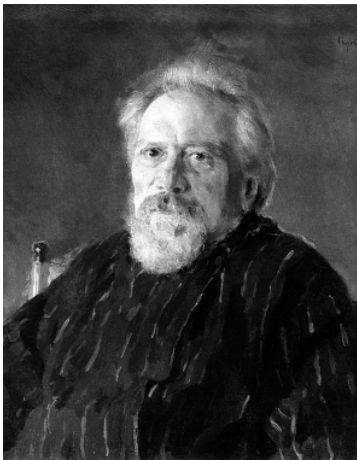
Вспоминаю эпизод, связанный с Н.С. Лесковым, из моей студенческой жизни на филологическом факультете ЛГУ. Доцент кафедры русской литературы Ирина Владимировна Столярова раздумчиво предложила мне написать дипломную работу о творчестве Лескова, сказав, что это писатель не то чтобы малоизученный, но как-то непонятый. Я внимательно прочитал все произведения Лескова, опубликованные в советской печати. В беседе с И.В. Столяровой сказал ей, что не мог найти и прочитать его роман «На ножках». Она иронически улыбнулась: «Вы можете пользоваться дореволюционными изданиями». Я, к тому времени уже столкнувшийся с тогдашней советской цензурой, по собственному горькому опыту (за ссылки на работы Фрейда и К. Юнга меня вызывали для проработки в некое управление), спросил, не исключат ли меня из университета за работу с дореволюционными изданиями, запрещёнными в то время. Она с улыбкой сказала, что риск есть, и мне пришлось перейти на другую кафедру. Примерно

в это же время, в 1978 году, И.В. Столярова в издательстве ЛГУ выпустила свою книгу «В поисках идеала. Н.С. Лесков». О романе «На ножах» в ней не было сказано ни слова.

Через 20 лет после этого разговора в 1989-м году во втором советском издании собраний сочинений Н.С. Лескова впервые в СССР был, наконец-то, опубликован самый его якобы криминальный роман «На ножах». В юбилейный год Лескова я впервые прочитал этот роман. Меня в своё время просто потрясли оценки Д.И. Писаревым такого же, якобы «антинигилистического» романа Н.С. Лескова «Некуда». Писарев сказал: «Меня очень интересуют два вопроса: 1) Найдётся ли теперь в России, кроме “Русского вестника”, хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь, выходящее из-под пера Стебницкого (Стебницкий — псевдоним Н.С. Лескова. — Г.М.) и подписанное его фамилией? 2) Найдётся ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?» («Русское слово», 1865, № 3). Эта рецензия была написана Д.И. Писаревым в тюрьме, но ему было разрешено работать в качестве литературного критика, и ему передавали выходящие литературные новинки, на которые он писал отзывы. Известны его острые комментарии к сочинениям литераторов того времени; например, когда русский сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин отрицательно отозвался о книге Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» (преддверие солженицынского «Архипелага ГУЛАГ»), Писарев написал, что такие книги пишутся кровью, а не чернилами с губернаторского стола. Напомним, что род Салтыковых всегда был приближен к власти, а сам Михаил Евграфович служил вице-губернатором Тверской губернии.

* * *

С Лесковым получилось всё иначе. Некоторые критики и литераторы того времени выступали отчасти за, отчасти против писаний Н.С. Лескова, но ко времени первой публикации романа «На ножах» уже умерли и А.Н. Добролюбов (1861 г.), и Д.И. Писарев (1868 г.), и другие критики так называемого в то время «общедемократического направления». Но до терроризма «Народной воли» дело пока не дошло, хотя первым проявлением «революционного терроризма» было покушение Д. Каракозова в 1866 г. на Александра II. Ту эпоху можно назвать межеумочной.

Н.С. Лесков. Портрет кисти
В. Серова

Как и многие русские писатели, Н.С. Лесков был своеобразным богоискателем. Имена Гоголя, Толстого, Достоевского, не говоря о символистах — Мережковском, Брюсове и др., вспоминаются сами собой. Но религиозно-философские конфликты в русской литературе возникали и задолго до этого. На памяти имена Н.С. Лескова и К.Н. Леонтьева (1831-1891).

В 1882 году вышла резкая брошюра-памфлет К.Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (написана в 1880 г.), посвящённая критике Достоевского и Толстого, по сути таких же богоискателей, как и он сам. Н.С. Лесков в статье «Религия стра-

ха и религия любви», опубликованной в газете «Новости и Биржевая газета», 1883 г. 1 и 3 апреля, выступил против К.Н. Леонтьева в защиту обоих писателей. Но суть его заметок сводилась именно к религиозно-философской тематике: «Пишущий эти строки (то есть сам Лесков. — Г.М.) знал лично Ф.М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени не доставало значительности в духовной литературе <...> Совсем иное в этом отношении представляет благочестиво настроенный и философски свободный ум графа Л.Н. Толстого». Для современного читателя эта мысль выглядит просто удивительной, поскольку «толстовство» не только себя исчерпало, но и признано в церковной литературе как одна из разновидностей арианства. Об этом же писал и К.Н. Леонтьев в упомянутой брошюре: «Тот, кто пишет о любви будто бы христианской, не принимая других основ вероучения, есть не христианский писатель, а враг христианства, самый обманчивый и самый опасный». С этой мыслью Леонтьева, обращённой к творчеству Л.Н. Толстого, Лесков в основном соглашается, так что его собственная позиция выглядит как бы двойственной. Такой она и осталась до конца его жизни. К таким выводам Лесков пришёл уже ближе к концу жизни. Но в эпоху межеумочных раздумий 1870-х годов он постоянно колебался между тогдашними, так называемыми демократами

и «государственниками» в лице М.Н. Каткова, которому симпатизировал также и Достоевский.

В 1870 году умер А.И. Герцен, знаменитый «колокол революции», над которым Лесков иронизировал, впрочем, отчасти уважая его. В это же время в 1871–72 гг. выходят в журнале «Русский вестник», издававшемся М.Н. Катковым и К.Н. Леонтьевым, «Бесы» Достоевского, где абсолютно недвусмысленно звучат прогнозы о грядущей революции. Почти одновременно в этом журнале публикуется и роман Н.С. Лескова «На ножжах». Несмотря на то, что оба романа — «Бесы» Достоевского и «На ножжах» Н.С. Лескова — были объявлены

Константин Николаевич
Леонтьев

контрреволюционными и запрещены при советской власти, разница между ними колоссальная. Если бы не утверждение Максима Горького, что «“На ножжах” — “книга злого отчаяния, книга личной мести, где все герои шантажисты, воры, убийцы...”» (Горький А.М. Н. С. Лесков // Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 87), то роман Н.С. Лескова в советское время прошёл бы просто незамеченным, поскольку ничего антиреволюционного или антидемократического в нём, попросту говоря, нет.

* * *

Поговорим о сути этого романа. Сам Лесков размышлял о событиях своего времени так, — речь идёт о замысле романа «На ножжах»: «Я не думаю, что мошенничество “непосредственно выросло из нигилизма”, и этого нет и не будет в моём романе. Я думаю и убеждён, что *мошенничество примкнуло к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкает “к идеализму, к богословию и к патриотизму”*» (Письмо А.С. Суворину от 20.03.1871).

На первый взгляд, как говорится, комар носа не подточит: Лесков рассматривает события с точки зрения высшей объективности, однако ни в одном из его сочинений цикла, посвящённого «мелочам архиерейской жизни», нет разоблачений во взяточничестве, прелюбодеяниях и прочих пороках клира, так что не всё так

просто. Поэтому Лескова в конце XIX века и считали неинтересным, скучным писателем, как бы исписавшимся.

Литературная карьера Лескова словно противостояла «карьере обычного литератора»: «Блажен, кто смолоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел, / Кто постепенно жизни холод / С летами вытерпеть умел...». Писатель начал с резких *антинигилистических* романов «Некуда» и «На ножах», как реакционер в тогдашнем понимании этого слова. Ему было 35–40 лет. Лесков в своих заметках объединил три романа, вышедших практически одновременно: свой роман «На ножах» (1870–1871 гг.), роман «Бесы» Достоевского и роман «В водовороте» В.Ф. Писемского (кстати, тоже не публиковавшийся в его собраниях сочинений в советское время): «Все трое мы сбились во многом на одну мысль». Эта «мысль» — противостояние нигилизму и начинавшей развиваться в то время так называемой «революционной демократии». Здесь следует вспомнить ещё романы В.В. Крестовского «Кровавый пух» и В.П. Ключникова (1841–1892) «Марев» (1871 г.). Почти все крупные писатели того времени выступили против первых нападок так называемых революционных демократов на тогдашнюю государственную систему.

В советском изложении истории литературы и культуры того времени это было трактовано как своего рода взрыв антинигилистической литературы. Но в защиту «нигилистов» и «революционеров-демократов» в то время не выступил никто. К тому же Герцен, который, по словам Ленина, «развернул революционную агитацию», уже умер. Наступило время относительного покоя.

* * *

Обратимся теперь непосредственно к роману «На ножах» и к тому, как в нём отразилась общественно-социальная ситуация. Следует упомянуть ещё, что в 1862-м году после ряда студенческих волнений в Петербурге началась серия пожаров. Народ кричал: студенты жгут город. 30 мая 1862 года Н.С. Лесков опубликовал в «Северной пчеле» статью «О пожарах в Петербурге».

В это время газетой руководил после смерти Ф. Булгарина П.С. Усов (1828–1868). Эта статья была как бы адресована полиции с призывом найти истинных поджигателей с благой целью отвести подозрения от студенчества. Однако она была воспринята так называемыми революционерами-демократами как провокация. Инициаторы поджогов не были найдены, но в общественном мнении сложилось представление о существовании студенческой

подпольной террористической организации, связанной с внутренними или международными центрами.

«Как массовое явление революционный терроризм впервые проявился после крестьянской реформы 1861 года. Выстрел Дмитрия Каракозова в Александра II (4 апреля 1866 года) положил начало эпохе революционного террора в России, продолжавшейся почти полвека. В своём развитии революционный терроризм в России имел два выраженных пика: на рубеже 1870–1880-х гг. и в начале XX века с особым кризисным периодом 1905–1907 годов.

По подсчётам А.А. Гейфман, в XIX веке от рук левых радикалов в России погибло около 100 человек, а количество терактов не превысило 40 [3]. За десятилетие с 1901 по 1911 г. терроризм вышел на иной уровень: жертвами многих сотен актов террора стали в общей сложности 16 800 человек (включая раненых) [3].

В Западной Европе на тот же период пришлась “эпоха динамита”, когда националисты и анархисты совершили десятки террористических актов против государственных деятелей (в диапазоне от короля Португалии до императрицы Сиси)» (Из Интернета, Википедия).

Лесков так называемое «революционное движение» считал для России глубоко чуждым по разным причинам. Во-первых, Россия-матушка никогда не примет зарубежных мыслителей и идеологов: «Никакой организованной революции в России нет, а есть только одни говоруны, которым никто из путных людей не даёт веры» (Собр. соч., М. 1959 г., т. 8 стр. 51). Это ответ на мысли Герцена о том, что Россия готова для революции. Наш опыт подтверждает, что почти 160 лет тому назад правда оказалась на стороне А. Герцена, а не Н. Лескова.

Этот вопрос больше всего раскрывается в романе «На ножах». Ведь самое удивительное в этом произведении отнюдь не то, что оно имеет какой-то антидемократический или, говоря современным языком, антикоммунистический характер. Это не «Бесы» Достоевского и не «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. В «На ножах», повторяюсь, по сути ничего антиинициативного нет. А что же есть? Подобно Достоевскому Лесков придаёт некоторым своим героям якобы значащие фамилии: у Достоевского Смердяков с его отрицанием Евангелия, а у Лескова главный герой носит фамилию Горданов. Понятно, что подтекст этой фамилии — гордость, гордыня, один из тяжчайших евангелических грехов. Роман по сути является развёрнутой формой детектива, чуть-чуть сдобренного неким идеологическим позументом.

Уже в самом начале романа читателя предупреждают, что Горданов будто бы настолько хитёр, что «теперь уже не так легко открыть, кто под каким флагом везёт какую контрабанду» (Собр. соч., т. 8, стр. 152).

Одна из положительных героинь романа, некая революционерка Анна Скокова, которую из-за порывистости и активности называют Ванскок, как бы с сомнением воспринимает деятельность Горданова, по замыслу автора — некоего псевдоревольюционера. От себя, спустя 150 лет, замечу, что слово скок на блатном жаргоне означает грабёж со взломом, и если автор, давая значимые фамилии героям романа, именно такую присваивает Анне, значит, надо думать о подтексте.

Один из второстепенных героев, но тоже близкий к революционным кругам, даёт такие советы: «Иосаф Платонович работал энергически, и в 5 или в 6 дней у него созрела богатырская статья, в которой вниманию врагов России рекомендовались самые смелые и неудобоприложимые планы, как одолеть нас и загнать в Азию» (там же, стр. 248). Хочется обратить внимание современного читателя на то, что мысли революционных демократов того времени перешли от национальных (Базаров перед смертью спрашивал, нужен ли он России) на откровенно русофобские. В Азию нас почти загнали и сегодня.

По мнению автора, суть спора между истинными борцами за так называемую свободу и жуликами, прикрывавшимися этим лозунгом (Горданов), состоит в том, что первые отчасти потеряли смысл своей деятельности: «Да; есть, однако же, между ними нечто общее, есть даже много общего: как преподаваемые встарь уроки “бабушек” проходили без проникновения в жизнь, так по верхам прошли и позднейшие уроки новых учителей» (стр. 146). Автор и его герои как бы задумываются, правильно ли мы жили, или должна наступить новая жизнь? Однако в творчестве Лескова на этот вопрос прямого ответа нет, нет и вообще никакого ответа. Один из более положительных героев романа рассуждает так: «Это всё выходит какое-то поголовное шарлатанство всем: и безверием, и верой, и материей, и духом. Да что же такое мы сами? Нет, я вас спрашиваю: кто же мы? Всякая сволочь имеет себе название, а мы... мы какие-то тёмные силы, из которых неведомо что выйдет.

— Вы делаете открытие, — уронила Глафира.

— Да что же-с? Я говорю истину.

— И я с вами не спору.

— Все этак друг с другом... На ножах, и во всём без удержа... Разойдёмся, и в конце друг друга перережем, что ли?» (т. 9, стр. 128).

Вот тут-то и есть повод задуматься о внутреннем смысле романа «На ножах». Мягкий, скромный человек (по воспоминаниям М. Меньшикова, З. Гиппиус) Лесков, который всю жизнь колебался между так называемыми левыми и правыми, в некоторых вопросах оказывался твёрдым.

Читая роман «На ножах» сегодня, рассматривая его не с точки зрения реалий того времени, обращаешь внимание именно на провидческие фрагменты. Гражданская война? Например, один из героев говорит: «Если в России всё таким образом пойдёт (после предполагаемой революции. — Г.М.), то это непременно кончится ни больше, ни меньше как тем, что отсюда все мужчины убегут в Англию или Германию, и над Невой и Волгой разовьётся царство амазонок» (Собр. соч., 1959, т. 9, стр. 131). На первый взгляд это кажется странным, но если вспомнить о животрепещущей теме трансгендеров, то есть ли у них право воевать за чью-либо страну или пол?

Самый главный герой всех шести частей романа Горданов, являющий себя то ли демократом, то ли аферистом, говорит о себе так: во время одного из конфликтов «в нём заиграли служебно-якобинские симпатии петербургского социального чиновника. Ему более нравилось видеть сестру коммунисткой, чем предводительшей» (т. 9, стр. 160).

Горданов, по мысли автора, будто бы примыкает к коммунистам, одновременно стараясь устроить карьеру для некоторых своих родственников. Сразу нужно заметить, что идейных коммунистов или революционных демократов в романе просто нет.

Перед нами — мир аферистов, связанных друг с другом родственными и псевдородственными связями, которые, иногда прикрываясь некими социалистическими идеями, бесконечно травят друг друга. Это мир внутренней свары. В тексте неоднократно в устах персонажей упоминается роман Теккерера «Ярмарка тщеславия». Мне понятны такие сопоставления, но ещё ближе, с моей точки зрения, Горданов к знаменитому герою многих романов О. де Бальзака Растиньяку, который изо всех сил рвался к имуществу и власти, имя которого во Франции стало нарицательным — удачливый выскочка. Но и в отечественной литературе известны персонажи такого типа (Чичиков, Калинович из «Тысячи душ» Писемского и другие).

Для Н.С. Лескова было интересно показать, что карьеристские устремления некоторых аферистов оказались почти что сходными

с идеями тогдашней околореволюционной среды. Эта мысль чрезвычайно интересна и глубока — а не является ли именно чиновничество источником революции и разложения России?

Лесков описывает разговор Павла Горданова — одного из главных полуотрицательных или полуположительных героев романа — с его сестрой так: «Брат и сестра, несмотря на долговременную их разлуку друг с другом, ничего не находили особенно живого сообщить один другому: чиновник говорил в насмешливом тоне о Петербурге, о России, о русском направлении, о немцах, о политике, о банках, о женщинах, о женском труде то сочувственно, то иронически, но с постоянным соблюдением особого известного ему секрета — как всё это переделать по-новому» (т. 9, стр. 177–178).

Вот тут-то, с нашей точки зрения через 150 лет, и находится одна из загадок русской революции. Такие ли уже массы, низы, которые по учению Ленина, терпеть больше не могли, организовали этот переворот? А не в среде ли чиновничества зародилась мысль об изменении образа правления в стране?

Продолжим дальше рассмотрение этого романа. Выше уже отмечено, что Лесков всю жизнь колебался между правым и левым движением в тогдашнем их понятии. Например, самый положительный персонаж романа Подозеров почти похож или, в крайнем случае, подражает Рахметову — герою Чернышевского. Бодростин, ещё один персонаж, по тексту человек светского круга, также близкий к либерально-демократическому мышлению, говорит о Горданове так: «Я не люблю его нравственности, но люблю его за неутомимую энергию и за смелость и реальность» (т. 9, стр. 257).

Поскольку с самого начала Горданов представлен крупным международным аферистом, то становится совершенной загадкой, почему крупный чиновник Бодростин считает Горданова своей некоторой опорой. Между прочим, эта мысль о связи чиновничьей, особенно высокой бюрократии с революционным движением постоянно прослеживается в романе.

Гордец Горданов по тексту романа погибает почти как Базаров у Тургенева: он заражается трупным ядом, после чего у него ампутируют руку, а потом его добивают недоброжелатели. Это ещё одна из линий детективного сюжета романа.

В тексте неоднократно цитируется популярный в то время роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», многочисленные герои которого тоже показаны аферистами и жуликами, так что связь персонажей Лескова и Теккерея очевидна. Известный французский исследователь творчества Лескова — Ж.К. Маркадэ в книге

«Творчество Н.С. Лескова» особо подчёркивает, что романы Лескова имеют полудетективный характер подобно романам Эжена Сю и даже Поля де Кока. Во многом это справедливо, но Лесков никогда не забывает о своей антинигилистической линии и время от времени подчёркивает, что он против социалистов. Один из героев (будто бы социалист) Висленёв уже в финале романа откровенно высказывается: «Если закон будет стоять за право наследства, то ничего не остаётся, как убивать, и мы будем убивать. То есть не наследников, а тех, которые оставляют, потому что их меньше и их легче искоренить» (т. 9, стр. 361). Уважаемый читатель, ведь это почти прямая цитата из «Манифеста коммунистической партии»! Ой, не прост Лесков, далеко не прост!

Выше не раз подчёркивалось, что всю жизнь Лесков колебался между революционерами и реакционерами. Он считал невозможной революцию в России, чем глубоко отличался от Ф.М. Достоевского, а тем более от А.И. Герцена. Но всё-таки что-то томило его душу. Роман кончается так: «Нелегко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи эдак на ножах, которыми кому-то всё путное в ключья хочется порезать; но одно только покуда во всём этом ясно: всё это пролог чего-то большого, что неотразимо должно наступить» (т. 9 стр. 403). Что это такое «большое» всем нам сегодня ясно, и наступило оно, спустя чуть больше сорока лет после выхода романа «На ножах».

Санкт-Петербург, май 2023 года

Лесков

*Её низы — изморина и затерть.
Российский бебезизм — её верхи.
Повсюду ничевошные грехи.
Осмеркло всё: дворец и церкви паперть.*

*Лжёт, как историк, даже снега скатерть:
Истает он, и обнажатся мхи,
И заструят цветы свои духи,
Придёт весна, светла как Божья Матерь,*

*И повелит держать Пасхальный звон,
И выйдет, как священник на амвон,
Писатель, в справедливости суровый,*

*И скажет он: «Обжора Шерамур,
В больной отчизне дураков и дур
Ты самый честный, нежный и здоровый.*

Игорь Северянин